

Чжоу Цзыцянь щипнул его за щеку:

— Ты только в спорах быстр на язык, а когда дело доходит до серьезных вещей, сразу теряешься.

Е Тао согласился с этим. Баобао действительно обладал такой чертой, и он это заметил.

Далеко в Столице Баобао чихнул три раза подряд, что привлекло внимание Дядюшки Чжоу.

Человек и кот несколько секунд смотрели друг на друга, после чего Дядюшка Чжоу строго сказал:

— Если собираешься болеть, подожди, пока вернется Сяо Чэн, не создавай мне проблем.

Баобао недовольно мяукнул: вы могли бы пожелать мне добра! Мое здоровье досталось мне ценой смерти, оно бесценно! Если вы сглазите меня, не удивляйтесь, если я пушу в ход когти!

Накануне Нового года, когда еще не рассвело, слуги уже поднялись. Они подметали двор, клеили весенние куплеты, развешивали красные фонари, создавая атмосферу праздничной суеты.

Е Тао проснулся от звуков фейерверков. Взглянув на часы, он увидел, что было чуть больше шести утра. Чжоу Цзыцянь уже встал и умывался в ванной. Е Тао не было чем заняться, и он подумал о том, чтобы снова заснуть, но чем дольше он лежал, тем бодрее становился.

Когда Чжоу Цзыцянь вернулся в спальню, он увидел Е Тао, сидящего на кровати в одежде, с ногами, укрытыми в одеяле.

— Изображаешь русалку? — Чжоу Цзыцянь поцеловал его в лоб. — Очень похоже.

Е Тао посмотрел на одеяло, но ничего не сказал.

Чжоу Цзыцянь подошел к шкафу и начал доставать одежду, собирая в охапку красные ткани, чтобы нарядить Е Тао.

Носить красное на Новый год — это нормально. Этот красный атласный костюм был сшит перед поездкой в Хуэйчжоу, и Е Тао был готов превратиться в «маленького красного человечка» на праздник. Но когда оказалось, что даже нижнее белье было красным, это показалось ему немного перебором.

— Дядя, в этом году не мой год рождения.

— Дед сказал, что тебе три года подряд встречаются недоброжелатели, и красное защитит тебя от зла.

— ...Недоброжелатели — это вид зла?

— Спроси у деда, может, вы сможете поговорить на эту тему подольше, — сказал Чжоу Цзыцянь, протягивая ему пару красных носков.

Е Тао молча одевался, наблюдая, как Чжоу Цзыцянь кладет красные стельки в его обувь. Единственное, что он мог подумать, это длинная череда многоточий.

Предки семьи Чжоу были родом из Хуэйчжоу, но еще при прадеде Чжоу Цзыцяня они

переехали в Столицу. Родовое поместье в Хуэйчжоу давно исчезло, и после возвращения Чжоу Сяньжэнь приобрел новый дом. Старик любил тишину и не любил городскую суету, поэтому поселился за городом. Дом был построен в стиле Хуэйчжоу, рядом с водой. Это была небольшая вилла, не такая просторная, как столичная резиденция, но с высокими стенами и глубоким двором.

Бедные в городе остаются незамеченными, а богатые в горах всегда находят родственников. Хотя дом Чжоу-старшего находился в уединенном месте, а родственники в Хуэйчжоу были далекими, семья все равно не оставалась без гостей. С двадцать третьего дня двенадцатого месяца гости начали понемногу прибывать — и дальние родственники, и соседи, и местные чиновники.

Чжоу-старший был слаб здоровьем и не любил шум, поэтому прием гостей и проводы он поручил сыну и управляющему. Чжоу Цзыцянь был занят днем встречами с гостями, а ночью ухаживал за племянником, превратившись в вертящийся волчок. Его любимый племянник был словно маленький кнут, который подгонял его до самого конца года. И вот теперь, одетый в красное, с невозмутимым красивым лицом, он спросил:

— Дядя, мы поедem к деду в следующем году?

Чжоу Цзыцянь невольно усмехнулся:

— Зачем? Чтобы увидеть деда или пережить очередной год?

Е Тао помолчал, а затем решительно сказал:

— Я не хочу ехать.

Племянник, который всегда мечтал о поездках, теперь говорил, что не хочет уезжать. Чжоу Цзыцянь был удивлен и озадачен:

— Дорогой, что случилось?

— Вы много работаете, и так устаете. Я не хочу добавлять вам хлопот в Новый год, чтобы вы не могли отдохнуть. Я приезжаю и заболеваю, деду это неприятно, и праздник портится.

Чжоу Цзыцянь взял на себя заботу о племяннике после смерти брата, когда ему был всего двадцать один год. Ребенок был слаб здоровьем, и требовалось больше времени и сил для ухода. Он никогда не жаловался, и это вызывало уважение окружающих. Он слышал столько похвал, что они перестали иметь для него значение. Но сегодня слова племянника, не лестные и не сентиментальные, тронули его.

Чжоу Цзыцянь обнял Е Тао и поцеловал, улыбаясь своей сентиментальности. Он только что пережил столько хлопот из-за этого маленького человечка, а тот всего парой слов согрел его сердце. Это было слишком легко.

В новогоднюю ночь три поколения семьи собрались за праздничным столом. Чжоу-старший выпил лишнего и ушел в свою комнату сразу после полуночи. Остальные трое тоже закончили ужин, но разговаривать им было не о чем, и вскоре после ухода старика они разошлись.

За окном грохотали фейерверки, и небо было освещено огнями. Вокруг дома висели красные фонари, создавая атмосферу праздника. Но семья Чжоу, из-за своей малочисленности, не могла в полной мере ощутить эту радость. После ужина все разошлись по своим комнатам.

Управляющий подготовил для Е Тао и Чжоу Цзыцянь большую солнечную спальню. Чжоу-старший любил традиционный китайский стиль, и вся мебель в комнате была сделана из грушевого дерева. В центре стояла ширма из четырех панелей. За ней находились кровать и шкаф, а перед ней — деревянная кушетка с маленьким столом. Чжоу Цзыцянь и Е Тао сидели по обе стороны стола, смотря новогодний концерт. Никто не собирался бодрствовать всю ночь, но, поскольку они только что поели, Е Тао не мог сразу лечь спать.

После полуночи шли в основном песни и танцы, которые, хотя и были праздничными, но не вызывали особого интереса. Е Тао скучал, поэтому начал чистить орехи. Почистив, он не стал их есть, боясь переедания, и протянул их Чжоу Цзыцяню.

Чжоу Цзыцянь взял горсть орехов и улыбнулся:

— Как редкость, обычно только Баобао удостоивается такого внимания.

— Он еще маленький, нужно больше заботиться о нем, — ответил Е Тао, стряхивая крошки с одежды и доставая из-под стола старую книгу. Он удобно устроился, опершись на стол, с мягким выражением лица и слегка опущенными волосами. От него исходил легкий приятный аромат с едва уловимыми нотками трав.

Чжоу Цзыцянь задумчиво смотрел на Е Тао, чувствуя, что некоторые изменения были удивительными. Этот ребенок, который раньше доставлял ему столько хлопот, не только стал спокойным и умиротворенным, но и передавал это состояние окружающим. Чжоу Цзыцянь, постоянно вращающийся в мире интриг и обмана, все больше ценил спокойствие и гармонию, которые находил в обществе племянника.

Перед сном Чжоу Цзыцянь дал Е Тао красный конверт и шкатулку, сказав, что это деньги на Новый год. И прежний Чжоу Юньси, и нынешний Е Тао редко пользовались наличными, поэтому конверт был скорее символическим подарком. Е Тао сразу открыл шкатулку, внутри которой лежала нефритовая табличка из белого нефрита, гладкая и блестящая, с выгравированными на обеих сторонах священными текстами.

Е Тао не был экспертом в нефрите и не был приверженцем религии, но табличка почему-то ему понравилась. До этого он не понимал, что значит «приглянуться» камню. Камень может быть красивым, но что делает его настолько привлекательным, чтобы вызвать симпатию с первого взгляда?

— Я хотел, чтобы вырезали изображение Гуаньинь, но мастер по резьбе сказал, что мужчинам не следует носить изображения бодхисаттв, так как это народное поверье, а не канон буддизма. Поэтому я выбрал текст Лэнъянь-сутры и попросил Великого мастера Жунцзинь освятить его. Носи это при себе, — сказал Чжоу Цзыцянь, снимая с Е Тао нефритовый диск и надевая на него табличку с текстами. Он согрел ее в руках, прежде чем положить под пижаму Е Тао.

Е Тао сжал табличку через ткань:

— Ты же не веришь в это?

— Я приложил столько усилий, а ты даже не улыбнулся. И еще сомневаешься в моей искренности, — Чжоу Цзыцянь провел пальцем по его носу. — Ты действительно заботишься обо мне.

— Я просто сказал, — Е Тао слегка улыбнулся, и это была искренняя, хотя и сдержанная

улыбка. — Спасибо, мне очень нравится.

Чжоу Цзыцянь смотрел на него, пока улыбка не сменилась легким недоумением. Тогда он наклонился и поцеловал Е Тао в лоб, тихо вздохнув:

— Наконец-то мои усилия не пропали даром.

Чжоу Цзыцянь выпил за ужином, и последние дни были для него напряженными, поэтому он быстро заснул. Е Тао лежал рядом, глядя в темноту на потолок, а затем повернулся к спящему мужчине. Всего на несколько секунд, прежде чем отвернуться и закрыть глаза.

Человек живет в этом мире, имея свои желания, но не все из них сбываются. Если знаешь, что чего-то не достигнешь, лучше не мечтать об этом, чтобы не страдать еще больше.

<http://bllate.org/book/17687/1650208>